

Глава 103. Цветы в зеркале, луна в воде

Бледно-золотой солнечный свет пролился в комнату, разгоняя тьму.

После долгого пребывания во мраке Цзян Тан не сразу смог открыть глаза. Он зажмурился и лишь спустя довольно долгое время с трудом разлепил веки. Тогда он увидел Фу Линцзюня: тот выбил дверь, но теперь неподвижно стоял на пороге.

Цзян Тан редко видел у него такое выражение лица.

Сейчас Фу Линцзюнь был похож на лёд на вершине снежной горы: твёрдый, острый, способный ранить одним прикосновением. Вокруг Шифо в его руке едва заметно клубился чёрный туман, и Цзян Тан даже не мог понять, что страшнее: холодный блеск меча или его взгляд.

Совсем как при их первой встрече: убийца под лунной ночью, который лишь на первый взгляд казался мягким, а на самом деле был холоден и беспощаден.

Но почти сразу после того, как он увидел, что Цзян Тан открыл глаза, лёд на этой снежной горе начал стремительно таять. Взгляд Фу Линцзюня остановился на нём, и в глубине глаз поднялось что-то дрогнувшее, живое.

— Ты быстро пришёл, — сказал Цзян Чаньюань, поднял руку и подтянул хлыст.

Тело Цзян Тана вслед за этим тоже взметнулось в воздух. Сил у него уже не осталось, и теперь весь его вес держался только на хлысте, стягивавшем талию. Лицо у него невольно исказилось от боли.

Но показывать, что ему больно, он не хотел. Он боялся, что Фу Линцзюнь бросится его спасать и попадёт под двойной массив.

Когда взгляд Фу Линцзюня оторвался от Цзян Тана, в нём разлилось безграничное убийственное намерение. Сам он был острее, чем чёрный тяжёлый меч в его руке. От него исходила такая давящая, хищная враждебность, что воздух будто натянулся.

Одним взглядом отметив толстый слой сырой соломы на полу, которой так очевидно пытались что-то прикрыть, Фу Линцзюнь снова посмотрел Цзян Чаньюаню в лицо.

Тот весь прятался под плащом и из-за распахнутой двери был вынужден жаться в угол комнаты.

Тело, неизвестно где добытое им для себя, уже начинало источать всё более густой смрад. Ясно было: долго оно не протянет.

Цзян Чанъюань заметил, куда смотрит Фу Линцзюнь, но и не надеялся, что спрятанный под соломой массив сумеет обмануть его взгляд.

— Пусть он выйдет, — сказал он, указывая на Сян Сина.

Увидев, что Сяо Бай ранен, Сян Син до побелевших костяшек сжал своё оружие. Толстая цепь в его руке была оплетена злобной энергией. Казалось, стоит хозяину отдать приказ, и он в ту же секунду разнесёт это смердящее тело на куски.

Отступать Сян Син не хотел.

Цзян Чанъюань посмотрел на него, и выражение его лица вдруг стало странным. Потом, словно заметив что-то любопытное, он радостно рассмеялся:

— Ещё в прошлую встречу мне показалось, что он на него похож. Выходит, и правда.

Затем он перевёл взгляд на Фу Линцзюня и с явным интересом протянул:

— А ты умеешь терпеть. Надо же, оставил его рядом с собой.

Фу Линцзюнь не ответил. На его лице не дрогнул ни один мускул, словно перед ним был всего лишь жалкий шут, загнанный в тупик. Во взгляде сквозило чистое презрение.

Он и обычно смотрел на людей сверху вниз, но нынешняя гордость Цзян Чанъюаня уже не могла вынести такого отношения. Он поднял руку, и хлыст, стягивавший талию Цзян Тана, стремительно пополз выше, перехлестнул плечи и остановился всего в цуне от шеи.

— Я сказал: пусть выйдет!

Рука Фу Линцзюня, скрытая в широком рукаве, медленно сжалась.

— Сян Син, выйди, — негромко сказал он.

Упрямому громиле совсем не хотелось уходить, но послушаться приказа хозяина он тоже не мог. С величайшей неохотой он ещё несколько раз впился взглядом в нынешнее мертвенно-бледное лицо Цзян Чанъюаня, а потом, нехотя и сотрясая всё вокруг, отступил.

— Очень хорошо. — Цзян Чанъюань удовлетворённо кивнул. — Теперь твоя очередь заходить.

— Ты ведь знаешь, что здесь вычерчены символы и массив. Сам ступай к узлу.

— Не заставляй меня повторять дважды.

Цзян Тан, перетянутый хлыстом, снова задёргался. Ноги у него метались в воздухе, он отчаянно качал головой:

— Ум-м! Ум!

Не подходи! Здесь опасно!

Крики Цзян Тана начинали раздражать Цзян Чаньюаня.

Лицо его потемнело, но, глядя на эту борьбу двоих, он вдруг снова развеселился.

— Фу Шэн, ты уже однажды собственными руками убил дорогих тебе людей. Неужели хочешь ещё и увидеть, как твой возлюбленный умрёт прямо у тебя на глазах?

Хлыст пополз ещё выше и коснулся шеи Цзян Тана.

Знакомая боль на этот раз не пришла. Цзян Чаньюань не осмеливался убивать его. Поэтому, добравшись до шеи, хлыст лишь слегка стянул её, не вкладывая настоящей силы.

— Ум! Ум! Ум-м! — Цзян Тан отчаянно качал головой, и крупные слёзы одна за другой покатались по щекам. Он редко плакал по-настоящему, но сейчас уже не мог сдержать это горе.

Встретившись с ним взглядом, Фу Линцзюнь чуть заметно сглотнул. Его взгляд задержался на нём лишь на миг, а потом резко ушёл в сторону. Он сделал шаг вперёд.

Как только в массив вошёл новый человек, неподвижные до этого линии медленно подняли слабое золотистое свечение. В этом свете Фу Линцзюнь в белых одеждах казался залитым закатным солнцем; даже края развевающейся одежды окрасились тёплым отблеском.

Он сделал всего несколько шагов и остановился точно в узле массива.

В следующее мгновение туманное золотое сияние обрело плоть. Оно сплелось в одну за другой толстые железные цепи, которые хлынули со всех сторон и, поднимаясь снизу вверх, начали виток за витком оплетать Фу Линцзюня.

В тот миг, когда вырвались цепи, раздался яростный драконий рёв. У Цзян Тана на мгновение пронзило барабанные перепонки, а потом он увидел: на цепях, помимо золотого света, лежал ещё и дракон, сияющий собственным светом. Несколько раз обвившись вокруг Фу Линцзюня,

он в конце концов ухватил пастью конец цепи и окончательно сковал человека, стоявшего в узле.

— Ха-ха-ха, хорошо. Очень хорошо, — только теперь Цзян Чанъюань решился ослабить хватку на Цзян Тане и медленно двинулся вперёд. — Мне очень нравится это тело. Спасибо, что столько лет растил его для меня.

Его собственное тело уже разлагалось и источало гнилой смрад. Но в этой вони всё равно таилась тонкая сладковатая нота: она не могла перебить запах тления, лишь вплеталась в него тонкими нитями.

Когда-то, во время прорыва сердечного демона, он хотел воспользоваться изначальным духовным пламенем Фу Юэбая, чтобы подавить своего внутреннего демона, но Фу Юэбай сразу распознал его намерения. Сам по себе Цзян Чанъюань не был настолько бессердечен, чтобы непременно уничтожить весь род из Гуанлина, но всё сложилось слишком удачно: в семье Фу родился прирождённый верховный.

А ведь это был прирождённый верховный! Упустить такое совершенное тело однажды — и потом неизвестно, дождёшься ли ещё хоть раз.

Желание заполучить эту плоть пожирало его. Ради этого он выстроил весь свой заговор, заставил Фу Шэна собственными руками убить родных и близких, расшатал его душу, вырвал из неё один осколок и хотел посмотреть, как тот, лишившись части души, рухнет. Тогда он бы и занял это тело.

Но кто же мог ожидать, что Фу Шэн, всего лишь находившийся на ступени бессмертного Дао, даже с неполной душой сумеет подряд убить двух святых и вырваться из окружения? После этого шанса для удара у него больше не осталось.

И тогда ему пришлось, скрепя сердце, запечатать это совершенное тело в долине Тяньбэй и искать другой путь.

Потом он использовал столько поддельных костей судьбы, пытаясь вырастить тело, способное сравниться с прирождённым верховным, и каждая попытка заканчивалась провалом. Без настоящей кости судьбы, способной перекроить тело заново, вся эта плоть годилась только на выброс!

Столкнувшись с ледяным взглядом Фу Линцзюня, он почему-то только усмехнулся:

— Ты сейчас, наверное, пытаешься угадать, что я с тобой сделаю?

Он даже поднял руку и коснулся лица, которое вот-вот должно было стать его новым телом.

Правда, на Фу Юэбая оно походило примерно наполовину. Смотреть противно.

— Нет, — слегка опустив голову, Фу Линцзюнь взглянул в эти расплывшиеся мёртвые глаза. — Я думаю лишь о том, что твоё нынешнее тело смердит так, что к нему не подойти.

Оставшийся после побега осколок души Цзян Чанъюаня не смог найти подходящего человека для захвата тела, и потому ему пришлось заранее вынуть из ледяного гроба Хэ Сюаньцина и использовать его. Эта плоть разлагалась слишком быстро: от мертвенной бледности до трупных пятен, затем до гнилостного смрада и почти полного распада. Всё это заняло меньше двух часов.

Эти слова ударили по смешной гордости Цзян Чанъюаня куда больнее, чем если бы Фу Линцзюнь просто ударил его мечом. Улыбка на его лице застыла, а потом он зло процедил:

— «Пленение Дао» продержит тебя как минимум шесть часов. А к тому времени...

Договорить он не успел.

Бледная рука вдруг метнулась вперёд, острая, как клинок, и вошла ему в шею.

Затем резко вырвалась обратно, унося с собой бесформенные куски мяса.

Глаза Цзян Чанъюаня распахнулись так широко, что едва не вылезли из орбит. Всё его тело не удержалось на ногах и рухнуло вниз. Боли в этом теле он уже не чувствовал, но когда разложение дошло до такой степени, сама плоть перестала слушаться. И что тогда толку, удерживаешь ты её или нет?

Из давно умершего тела не хлынула кровь — только вытекла какая-то зловонная грязь. Горло у него уже было переломано рукой Фу Линцзюня, и слова теперь вырывались рвано, прерывисто:

— Почему... «Пленение Дао»... не удержало тебя?..

В мутных глазах стояло одно сплошное непонимание.

Фу Линцзюнь, которого только что держали в узле массива, голыми руками разорвал сияющего дракона. На руках у него ещё оставалась грязь, пробившаяся из шеи Цзян Чанъюаня, но он быстро сложил печать, и потоки чистой воды смыли всё дочи́ста.

После этого он снова взял Шифо и пронзил лежащее на полу тело прямо в сердце.

— Тебе не нужно этого знать.

Конечно, удар в сердце не мог причинить Цзян Чанъюаню боли. Наоборот, это показалось ему почти смешным. Из сломанного горла вырвался хриплый, обрывочный смех, и он снова заговорил:

— Ты... убил меня... но откуда тебе знать... что я оставил... лишь один остаток души?..

— Ты не сможешь убить меня окончательно... Я всё равно вернусь.

— А ты... уже вдохнул... благовоние, притягивающее души.

— Твоя душа... потеряется во сне... и когда ты умрёшь... это тело... станет моим.

Фу Линцзюнь сверху вниз смотрел на Цзян Чанъюаня, которого насквозь пронзал Шифо.

— Правда? — спросил он. — Тогда попробуй открыть глаза и посмотреть, что начертано на Шифо.

Цзян Чанъюань резко замолк.

Голова его уже почти отделилась и лишь бессильно перекаtywала глазами. Он перевёл взгляд на огромный чёрный меч и увидел на нём густые тёмно-красные узоры. Раньше, сколько бы раз он ни видел этот тяжёлый меч, тот всегда был залит кровью, и Цзян Чанъюань никогда ещё не разглядывал эти узоры так близко.

Когда же он наконец понял, что это такое, даже в мёртвых глазах вспыхнул ужас.

— Знаешь, почему когда-то я смог, опираясь на Шифо, перебить столько нечисти и демонов?

Взгляд Фу Линцзюня неожиданно стал мягче. Он лёг на эти узоры так, словно Фу Линцзюнь видел перед собой отца, который когда-то снова и снова бережно шлифовал этот меч.

— Шифо пожирает призраков. Пока меч не вынут, он будет идти за твоим остатком души и пожирать все прочие осколки. Пока ты не переплывишься в злобную энергию и не станешь частью самого меча.

Пока он говорил, тёмно-красные узоры на Шифо уже один за другим загорались от души Цзян Чанъюаня, испачканной чёрной энергией. Из них начала сочиться чёрная дымка, которая медленно вгрызалась в его душу.

— А-а-а! — из горла Цзян Чанъюаня вырвался дикий вой.

Он не чувствовал боли в теле, но это не значило, что он не чувствовал боли души.

Он ясно ощущал, как Шифо пожирает его душу. Пусть медленно, но это совсем не походило на сжигание сердечным огнём! Когда душу жгут сердечным огнём, часть её ещё можно вырвать и спасти бегством. Но здесь каждый проглоченный клочок исчезал безвозвратно. Пока меч остаётся в теле, он и правда будет в бесконечных муках рассеиваться душой, лишённый даже шанса на новое перерождение!

— Но если ты... умрёшь раньше, чем переплавишь меня... это тело... всё равно будет моим! — хрипло завопил он, корчась и проклиная.

Фу Линцзюнь больше не обращал на него внимания. Разобравшись с угрозой, он нетвёрдыми шагами подошёл к Цзян Тану.

Золотисто-красное пламя феникса сорвалось с кончиков его пальцев и вошло в тело Цзян Тана, исцеляя его раны. После этого Фу Линцзюнь ухватился за хлыст, стягивавший Цзян Тана, и резко дёрнул. Между вспышками грома и огня хлыст прямо в его руках разорвался на куски.

Одной рукой он сложил печать и снял заклятие с рта Цзян Тана.

— Он подмешал в благовоние, притягивающее души... — едва освободившись, Цзян Тан в первый же миг хотел быстро рассказать Фу Линцзюню правду по-китайски, но на полуслове застыл.

Как он должен это сказать? Что Цзян Чанъюань подмешал в благовоние прах его близких? Фу Линцзюнь ведь до сих пор ищет, где находятся останки его родных. Если он узнает такое, разве ему не будет невыносимо больно?

Фу Линцзюнь поднял руку и коснулся его щеки.

Только теперь Цзян Тан заметил, что лоб Фу Линцзюня покрыт частыми мелкими каплями пота, а лицо его стало ещё бледнее обычного. После того как он вытащил Цзян Тана из ловушки, рука, лежавшая у него на плече, внезапно отяжелела, и в следующий миг Фу Линцзюнь окончательно лишился сил и опустился перед ним на одно колено.

Свет в его глазах стремительно гас. Рука на плече Цзян Тана медленно соскользнула ниже, потом едва заметно коснулась его ладони, словно хотела взять её в свою, но сил уже не хватало.

— Что с тобой?! — Цзян Тан бросился его поддержать, но собственное тело тоже ещё не держалось как следует, и в результате они оба вместе опрокинулись назад.

<http://bllate.org/book/17032/1722560>